

Я. Хохоровски

КАВКАЗ И КАРПАТСКИЙ БАССЕЙН В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (проблема происхождения сигиннов)

На протяжении периода NaV_2 — NaV_3 в Карпатский бассейн и его окружение поступают бронзовые и биметаллические изделия степного и кавказского происхождения, прежде всего, оружие и металлические части конской узды. По времени эти явления совпадают с кризисом местных поселенческих структур культуры Гава и Киятице (в основном — на Венгерской низменности) и возникновением здесь — чуждых по обряду — могильников с ингумацией типа Мезечат. В VII в. до н. э. в Карпатском бассейне сформировались поселенческо-культурные объединения при участии скифского фактора. В рамках этих процессов произошло также переселение на квази-степные территории «пусты» групп населения, которые, несмотря на действия своеобразного «исхода», сохранили культурную и даже этническую тождественность. Речь идет о народе сигиннов, происходящих из широко понимаемых кавказских территорий. Характерными чертами их культурных поведений были в частности: мидийская одежда, использование мелких лошадей (типа тарпанов) и употребление глиняных печатей — пинтадеров.

Ключевые слова: Кавказ, Карпатский бассейн, ранний железный век, миграция, сигинны.

Проблема культурных связей кавказских территорий с Карпатским бассейном в раннем железном веке давно вызывает интерес многих исследователей, как из Центральной: T. Horváth [1939, p. 65—71], F. Hančar [1947, S. 152—167; 1967, S. 113—134], J. Harmatta [1948, p. 90—94], G. Gazdapusztai [1963, S. 5—40; 1967, p. 307—333], V. Podborský [1970, S. 147—172], Z. Bukowski [1976, p. 120—139], J. Bouzek [1983, p. 177—240; 2012, p. 537—547], T. Kemenczei [1994, p. 591—618; 2005, S. 4—18], C. Metzner-Nebelsick [1994, S. 383—447; 2002, S. 207—379; 2009, S. 200—218], так и Восточной

Европы; А.И. Тереножкин [1976, с. 109—110], В.И. Козенкова [1975, с. 52—73; 1996, с. 132—144, рис. 51—53; 2007, с. 258—294], В.Р. Эрлих [1997, с. 19—34; 2002, с. 26—38; 2007, с. 191—192], С.Л. Дударев [1999, с. 83—142], С.В. Махортых [2003, с. 40—53]. Эти явления рассматриваются, прежде всего, в контексте археологических признаков, определяющих масштаб заимствования и даже усвоения среднеевропейской средой элементов материальной культуры, часто условно называемых «кавказскими». Наибольшее внимание привлекали находки некоторых категорий оружия и узды (рис. 1; 2), функциональный контекст которых (снаряжение воинов-всадников) считался проявлением особого характера этих связей. Касается это, в частности, бронзовых и биметаллических кинжалов с ажурной рукоятью т. н. кабардино-пятигорского типа (или типа Гамув), бронзовых скипетров (парадных топоров-жезлов) или применения однокольчатых удил с пуговицеобразными звеньями для поводов в наборах конской узды, а также некоторых форм нарядных бляшек (например, т. н. лунниц) — украшений ремней оголовья (рис. 3). Хотя ассортимент находок и культурных черт, происходивших из широко понимаемых кавказских территорий, в Карпатском бассейне и в его окружении был значительно шире (напр., металлические элементы женского костюма: [Козенкова, 2007, с. 258—294]), именно отмеченные категории артефактов обусловили способ интерпретации этих связей, являющихся фоном и одновременно основой трансфера. Впрочем, эти элементы вписываются в генетически и культурно неоднородный горизонт находок восточного (степного) происхождения [Chochorowski, 1993, p. 39—139], который, с точ-

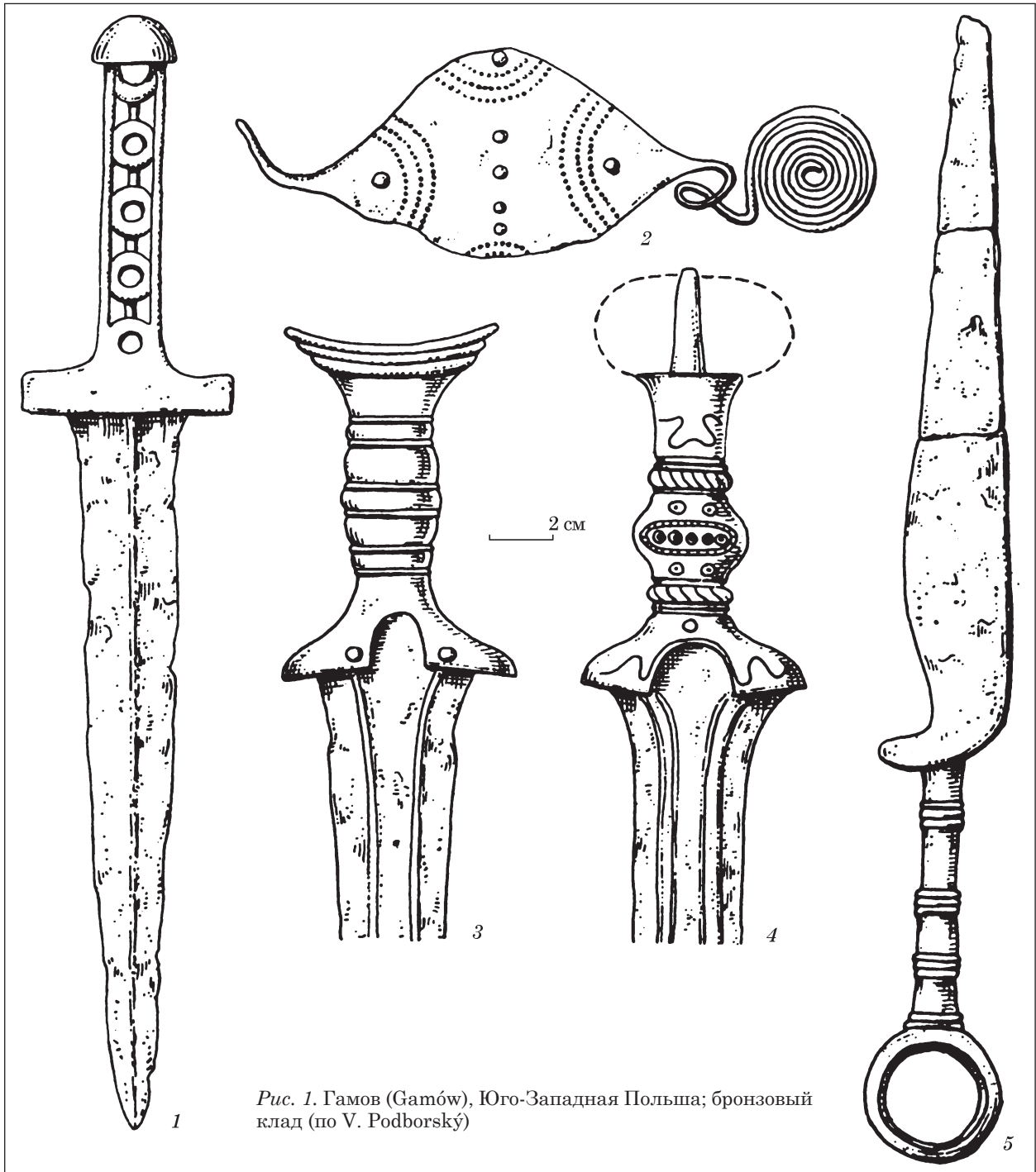

Рис. 1. Гамов (Gamów), Юго-Западная Польша; бронзовый клад (по V. Podborský)

ки зрения хронологии (периоды HaB_2 — HaB_3 = 960/950—810/780 BC) [Pare, 1998, Taf. 4—5; Trachsel, 2004, S. 316; Ciugudean, 2012, Fig. 14] и динамики исторического процесса, определяет этапный момент в истории Средней Европы на рубеже бронзового и раннего железного веков (рис. 4). В особенности это касается восточной части Карпатского бассейна, где в это время наблюдается глубокий кризис поселенческих структур и падение культурного потенциала местных сообществ (особенно т. н. культуры Гава и культуры Кыятице), а также бассейна Среднего Дуная (а впоследствии и Верхнего), где также имеет место кардиналь-

ное изменение культурной модели. Вместо различных группировок культуры урновых полей здесь в раннем железном веке происходит становление гальштатского культурного круга [Chochorowski, 1993, p. 208—241]. В таком историческом контексте наличие и роль восточных (в том числе «кавказских») культурных элементов часть исследователей истолковывает как симптом и следствие усиленного взаимодействия культур и культурного трансфера. Другие усматривают в этих процессах движущую роль мобильных сообществ (номадов) Великой Степи, являющихся к тому же носителями определенного ассортимента предметов материаль-

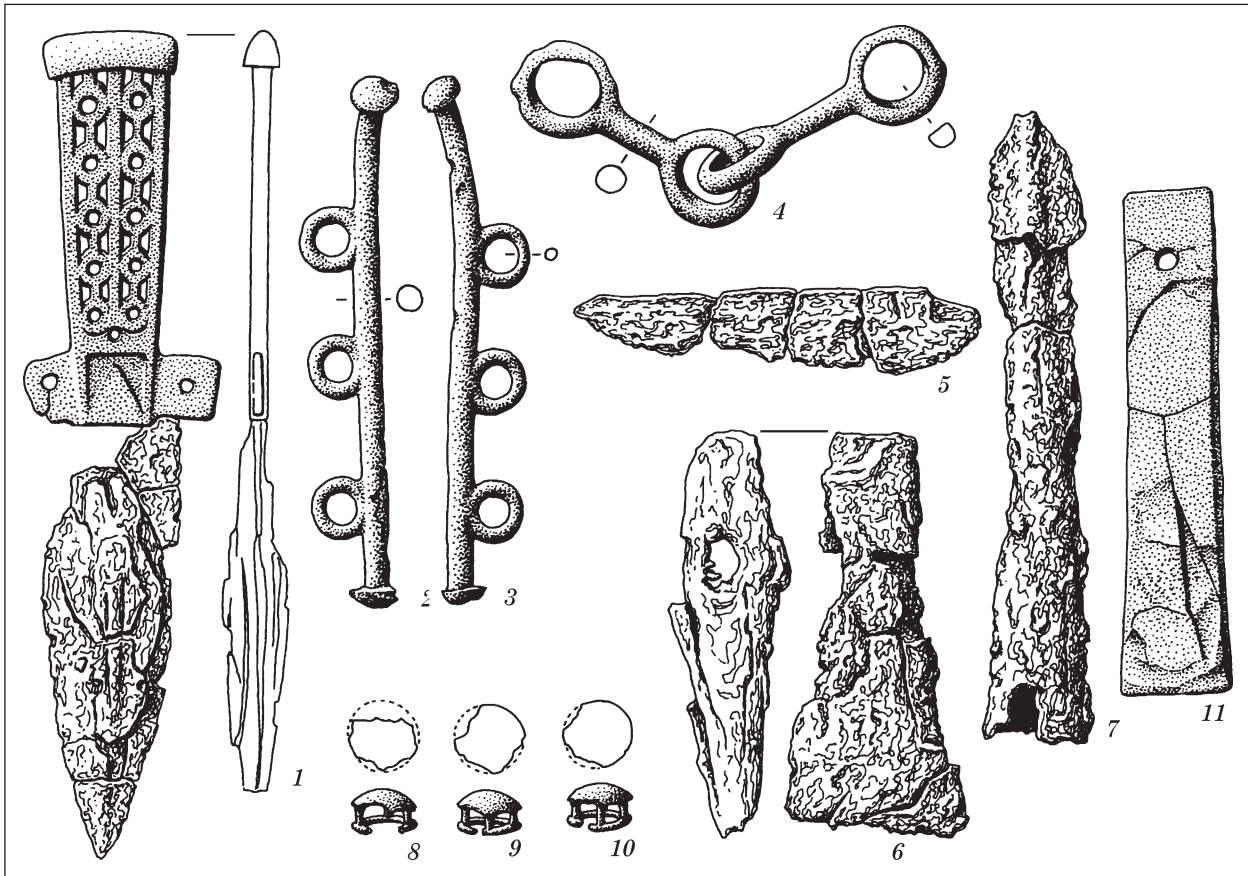

Рис. 2. Печ-Якабхедь (Pécs-Jakabhegy), Юго-Западная Венгрия; инвентарь подкурганного захоронения (по Т. Kemenczei)

ной культуры, которые при их посредничестве распространились на столь отдаленные земли.

Особенным аспектом этих процессов, затрагиваемым некоторыми исследователями [Sulimirski, 1961, S. 793—795; Harmatta, 1966, p. 107—116; Chochorowski, 1987, p. 161—218], является возможность переселения в Карпатский бассейн небольших групп населения восточного происхождения, в том числе сообществ, которые независимо от динамичного характера предполагаемых событий, сохранили — невзирая на своеобразный «исход» — элементы культурной тождественности и сознание этнической принадлежности. Рассматривается, главным образом, концепция о переселении на территорию Венгерской низменности сигиннов, которые в исторических повествованиях, совмещающих античную традицию со знаниями об этнической географии времен Страбона [Strabo, XI; XI, 8] или даже Ктезия (из *Персидской истории* которого Страбон, возможно, взял эти сведения), были вписаны в этническую мозаику «кавказских» народов. Эта проблема приобрела особое значение после обнаружения и идентификации на Венгерской низменности могильников раннего железного века типа Мезечат (Mezőcsát) с захоронениями по обряду ингумации [Patek, 1993, S. 18—46]. Небольшие могильники и отдельные могильные

комплексы этого типа встречаются, главным образом, в северной части Альфельда, вдоль оси Тисы и далее — к северо-западу, вплоть до Южной Моравии [Romsauer, 1999, S. 167—176, Abb. 1]. Они содержат захоронения по обряду ингумации, преимущественно в вытянутом положении, реже на боку в скорченном виде (рис. 5), оснащенные железными предметами и бронзовыми изделиями восточного, «понтийско-кавказского» происхождения, а также — что особенно характерно — тушами животных (прежде всего, крупного и мелкого рогатого скота). Характерный для этих сообществ обряд ингумации, как основной тип погребальной обрядности, а также пастушеский образ жизни и ведения хозяйства свидетельствуют об отсутствии преемственности с местной этнокультурной средой позднебронзового века в Карпатском бассейне, практиковавшей трупосожжение и предпочитавшей оседло-земледельческую модель хозяйствования. Исходя из этого, данное явление рассматривается [Patek, 1974, S. 353; Kemenczei, 1981, S. 79—89] как следствие своеобразного «исхода» пастушеских групп из не совсем определенных «понтийско-кавказских» территорий, занявших благоприятные для пастушеского хозяйства квази-степные территории «пусты». Наличие среди археологических показателей кризиса и общественно-куль-

турных перемен в Средней Европе памятников т. н. киммерийского типа — включая черногоровские и кавказские (новочеркасские) находки — связывает эти процессы с глобальными изменениями культурной и этнической ситуации в южной части Восточной Европы, где в VIII/VII вв. до н. э. происходит исчезновение черногоровско-новочеркасской («киммерийской») культурной модели и появление скифской [Мурзин, 1990, с. 51—78; Chochorowski, 2004, р. 91—102]. Историческим (и в некотором смысле символическим) выражением этих перемен стал идентифицированный античной традицией (Геродотом) эпизод т. н. скифо-киммерийского конфликта.

В Карпатском бассейне экспансия кочевнической стихии со скифской моделью культурного поведения также сыграла немаловажную роль, усилив восточное (степное) влияние, как через культурный трансфер, так и военное давление. Об этом свидетельствует появление в начале VII в. до н. э. на территории Трансиль-

вании культурной группы скифского типа (т. н. трансильванской группы либо группы Чумбруд — Ciumbrud) [Vasiliev, 1980], а также образование в течение VII в. на Большой Венгерской низменности квази-скифской группировки, именуемой группой Альфельд скифского периода, группой Сентеш-Векерзуг или культурой Векерзуг (рис. 6) [Chochorowski, 1985; Kemenczei, 2009]. Эта группировка имеет синкретичный характер и основывается частично на местном поселенческом потенциале (главным образом: пост-Гава, пост-Кьятице, Мезечат) при значительном «унифицирующем» участии скифского культурного элемента. В сценарии динамичного формирования этого культурного комплекса, в особенности ввиду значительного демографического роста в сравнении с предыдущим периодом, нельзя исключить вызванный экспансивностью кочевнической (скифской) стихии приток на Венгерскую низменность новых групп мигрирующего в западном направлении населения. Хотя главную роль в этом

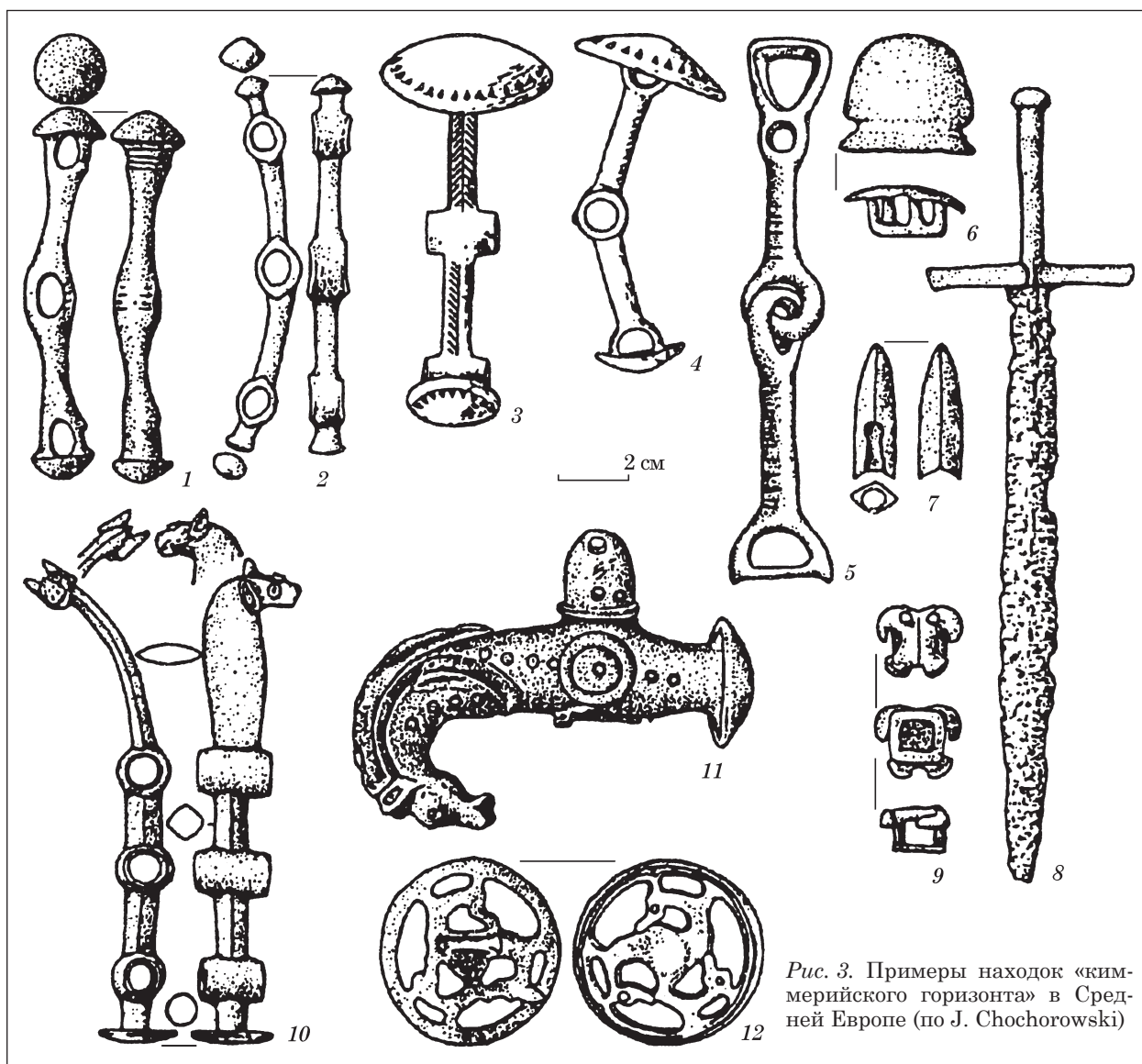
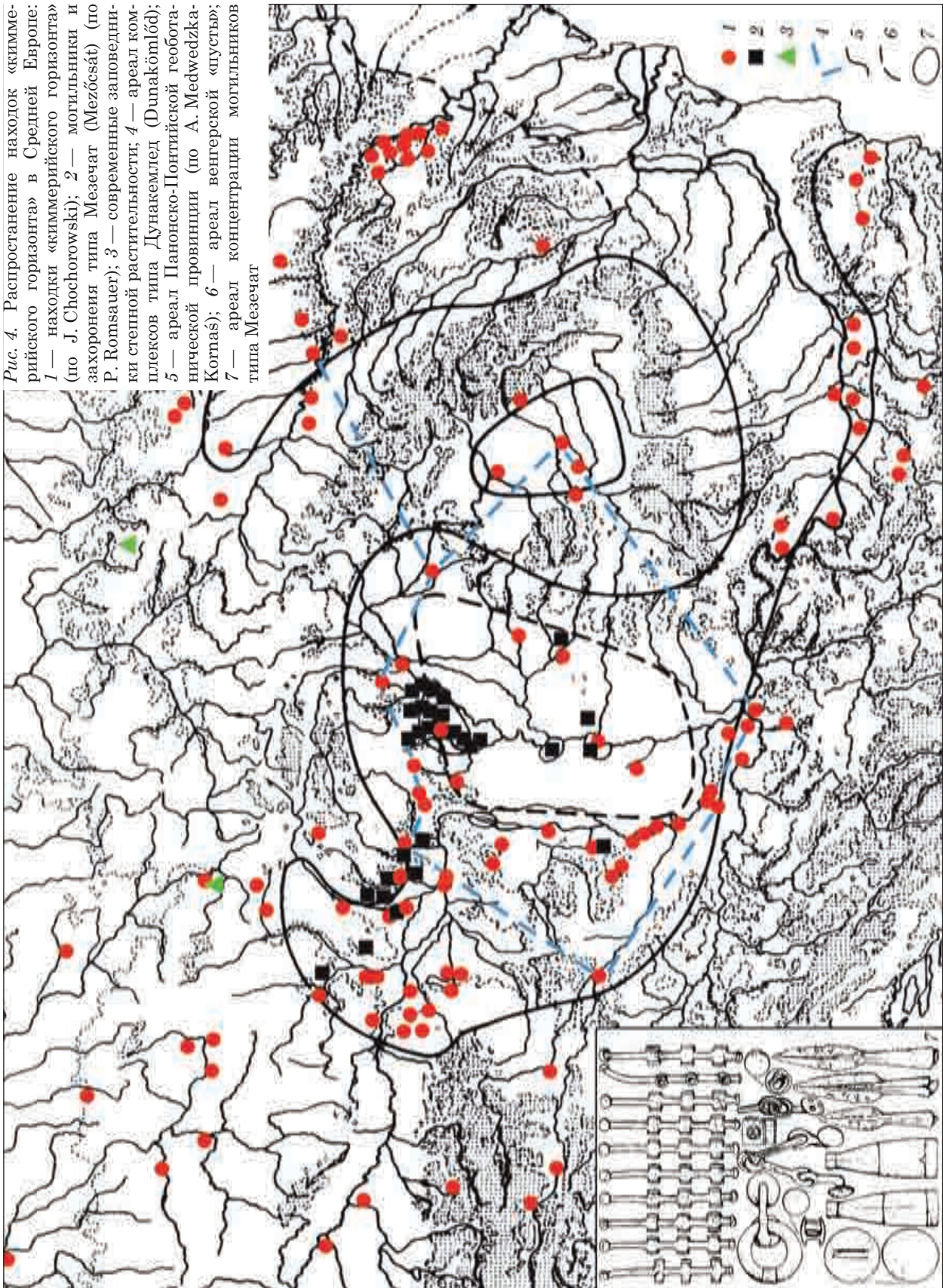

Рис. 3. Примеры находок «киммерийского горизонта» в Средней Европе (по J. Chochorowski)

Рис. 4. Распространение находок «кimmerийского горизонта» в Средней Европе:
 1 — находки «кimmerийского горизонта» (по J. Chochorowski); 2 — могильники и захоронения типа Мезечат (Mezőcsát) (по R. Komsauer); 3 — современные заповедники степной растительности; 4 — ареал комплексов типа Дунакемлед (Dunakömlőd); 5 — ареал Панонско-Понтийской геоботанической провинции (по A. Medwedzka-Kornas); 6 — ареал венгерской «пусты»; 7 — ареал концентрации могильников типа Мезечат

плане могли сыграть сообщества со скифской моделью культуры из западных окраин «скифского мира», такие как трансильванская или западноподольская группы, несомненно, движущей силой этих процессов была активность кочевнической знати с типичной для скифского мира ментальностью и моделью культурного поведения. Их роль в среде со скифскими культурными чертами, свойственными территории Альфельда, также очень выразительна. Одним из симптомов скифской экспансивности стала также «волна» военных набегов кочевых подразделений, использовавших оружие скифского типа (рис. 6), которая в конце VII и в первой половине VI в. до н. э. охватила даже территории к северо-западу от Карпатского бассейна, в бассейне Верхней и Средней Одры и Вислы [Chochorowski, 2014, p. 32—43].

Основой концепции о размещении сикиннов на Венгерской низменности является повествование Геродота [Herod., V; 9], касающееся этнической ситуации к северу от реки Истр, то есть Дуная (рис. 7), с краткой этнографической характеристикой этого народа. Сикинны были носителями настолько своеобразных и

отличающихся от окружения культурных черт, что, бесспорно, вызывали к себе интерес современников. Следует подчеркнуть, что автор *Истории* посвящает им — народу, заселявшему пограничье известного древним грекам мира — относительно много места, приводя ряд довольно существенных сведений, что стоит процитировать: «О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность, — сикинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сикиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сикиннов простираются почти до [области] зетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии,

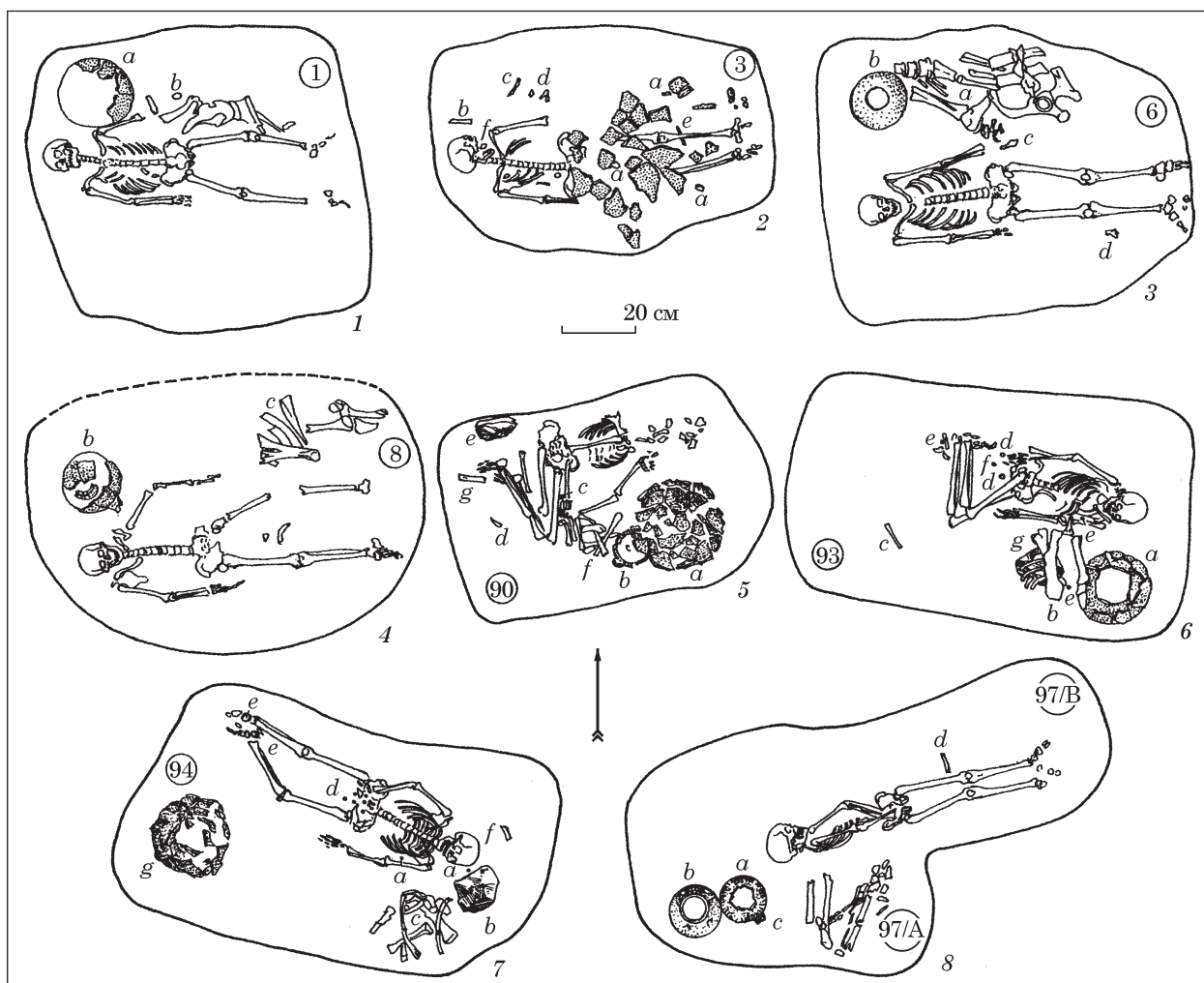

Рис. 5. Мезечат-Херчегеш (Mezőcsát-Hörcsögös); захоронения 1, 3, 6, 8, 90, 93, 94, 97 (по Е. Patek)

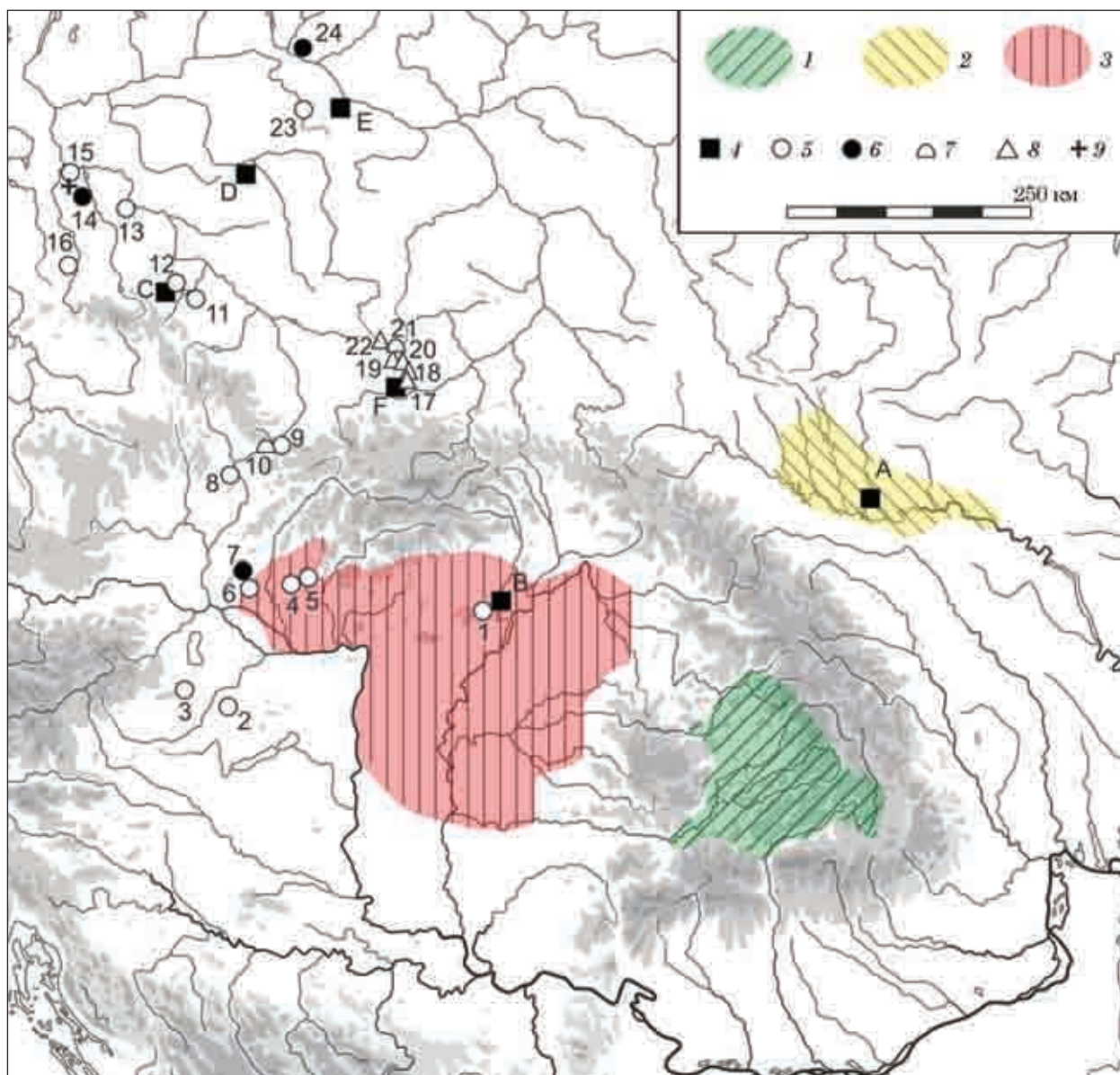

Рис. 6. Находки скифского оружия (в основном, наконечники стрел) на территории городищ и скальных убежищ в Средней Европе: 1 — трансильванская группа; 2 — западноподольская группа; 3 — векерзугская культура; 4 — находки западносибирского происхождения; 5 — находки скифских наконечников стрел на территории городищ; 6 — городища, разрушенные захватчиками, пользующимися скифским оружием; 7 — пещерные убежища, 8 — скальные убежища; 9 — Виташково (Witaszkowo)

я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев, а жители Кипра — копыя.

Данные о размещении сигиннов в этой части Европы предоставляет также другой, созданный приблизительно двумя веками позже Геродота, источник, а именно, *Аргонавтика* Аполлона Родосского (ок. 295—215 гг. до н. э.). Поэт описывает в четвертой песне [IV; 316—327] участь колхов, плывущих вверх Истра (Дуная), которые проплыв «*гору Ангур*» (перелом Железных ворот) и «*утес Кавлика*», где «*Истр разветвился*» (горы Шумадия в районе нынешнего Белграда, у слияния Дуная и Савы),

миновали «*Лаврийскую равнину*», заселенную сигиннами, а также гравкенами и синдами, и вызывали переполох среди местных «*пастырей*», которые при виде судна со страху: «*покинули безмерные стада*». Хронологически эти сведения более ранние, чем времена деятельности автора *Аргонавтики* (территории среднего бассейна Дуная уже с IV в. до н. э. были заняты кельтскими племенами), и представляют знания об этнической, и не только (см. сведения, касающиеся «*безмерных стад*»), ситуации в данной части Европы до вторжения кельтов [Chochorowski, 1987, p. 206—207]. Сведения, содержащиеся в приводимых источниках, позволяют не сомневаться в том, что упоминаемые Геродотом и Аполлоном Родосским сигинны

занимали в V в. до н. э. (хоть и прибыли сюда значительно раньше), равнинные территории Венгерской низменности («Лаврийскую равнину»), расположенные к северу от Дуная. Автор *Истории* не оставляет сомнений, что они были на этих землях пришельцами, а также указывает место, откуда ситинны прибыли («из Мидии»). Интересно, что Аполлон отметил именно синдов как «обитателей» Лаврийской равнины — народ, прочно укоренившийся в этнической структуре Западного Предкавказья (Кубани и Таманского полуострова) [Шелов, 1982, с. 31—39].

Оставленная Геродотом этнографическая характеристика ситиннов необыкновенно схожа с выявленными археологически важными культурными чертами группировок, занимавших Венгерскую низменность в раннем железном веке. Полное отсутствие или редко встречающиеся в погребальном инвентаре группы Мезечат и культуры Векерзуг фибулы и булавки, предметы для застегивания верхней одежды («плаща-пелеринь»), указывают на то,

что здесь использовалась одежда, именуемая в древности «мидийской», «скифской» либо «персидской». Насколько выразителен культурный рубеж, отделявший в этом отношении тогдашнее население Венгерской низменности, свидетельствует, к примеру, сравнение числа фибул, найденных в эпонимном могильнике в Сентеш-Векерзуг (на 136 могил — 7 фибул) [Párducz, 1954, Fig. 32, 20—22; pl. VIII, 1—1a; XVII, 3; XXII, 1, 2; XXIX, 17; 1955, pl. XIV, 3a, 3b], и на позднегальштатском могильнике в Сентлеринц (Szentlőrinc) в Южной Паннонии на противоположном берегу Дуная, где в 64 могилах было обнаружено 67 фибул [Jerem, 1968, p. 184]. Не удивительно, что именно эта черта была для современников существенным отличительным признаком культуры ситиннов и, как таковая, была отмечена Геродотом. Очень интересна в этом контексте находка бронзовой оковки пояса из Мольника (Molnik) близ Любляны в Словении [Teržan, 1998, Abb. 10], представляющая собой т. н. искусство ситул (*Situla Art*), создателями которого были венеты. Это

Рис. 7. Карта мира по представлениям Геродота (по S. Hammer)

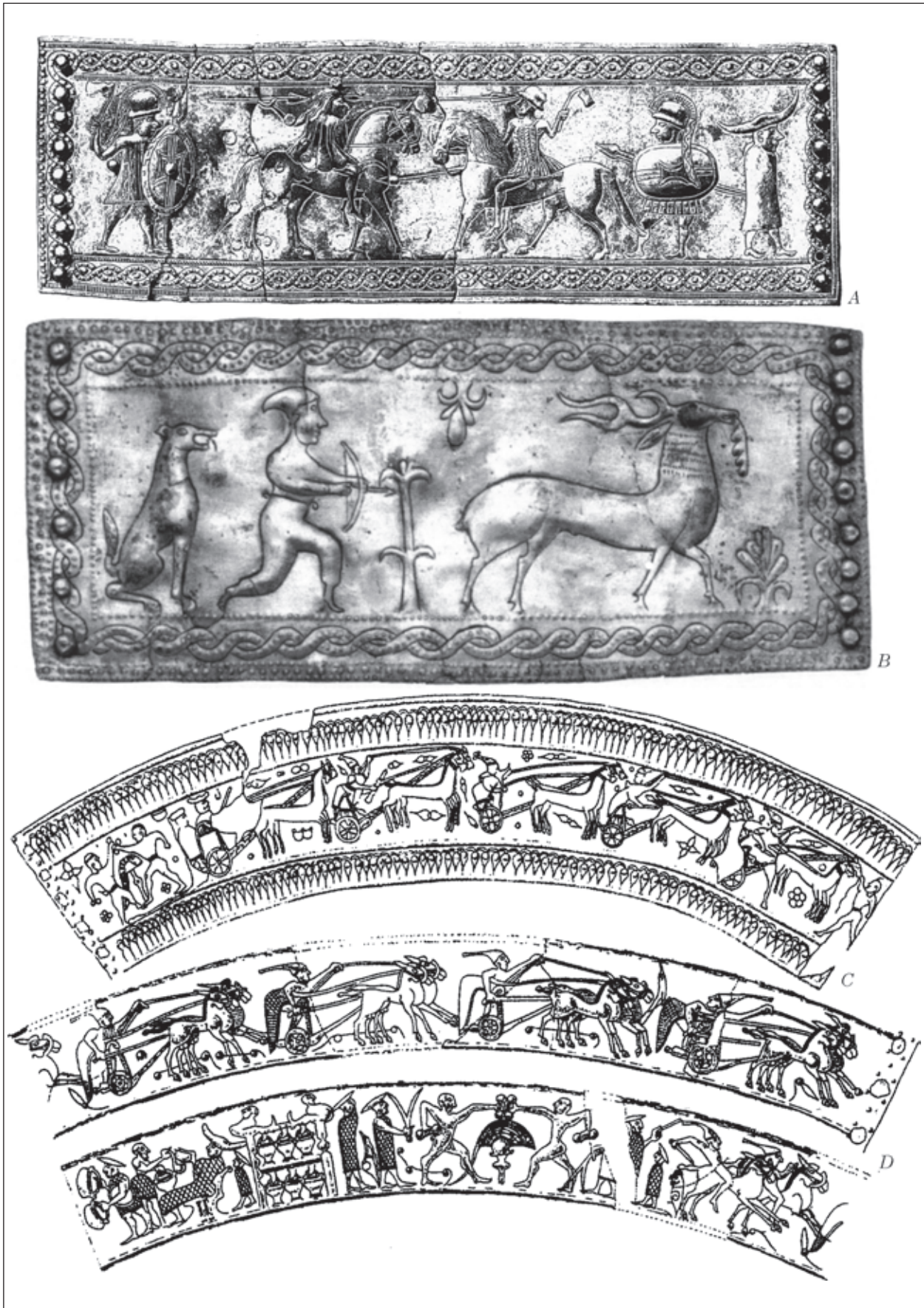

Рис. 8. Архетипи изображений «галльштатского» населения и людей, пользующихся мидийской одеждой в «искусстве ситул»: А — Ваце (Vače), Словения; В — Мольник (Molnik), Словения; С — Болонья-Арноальди (Bologna-Arnoaldi), Италия; D — Куфферн (Kuffern), Австрия

явление характерное для территории юго-восточных Альп и Северной Италии в VII—IV в. до н. э. (пик популярности достигло в VI—V вв.). Представленный в сцене охоты лучник носит «мидийскую» одежду (перетянутый поясом кафтан, брюки и островерхий головной убор), отличающуюся от одежды местных жителей (рис. 8, А, В): короткого платья рубашечного покроя и надеваемой поверх него на плечи довольно длинной и широкой накидки (как хитон

и хлайна / хламида в греческом наряде). Безусловно, венецкий (галльштатский) «художник» изобразил представителя чуждой для автохтонов среды, отличие которого воспринималось именно сквозь призму одежды. Кстати, применение лука (вопрос скифского или местного, «простого», как на оковке из Мольника), местным населением подтверждается одинокими находками колчаных наборов (рис. 9) [Staré, 1962—1963, Т. IX, 8—56; X, 1—62] и многочис-

Рис. 9. Либна-Либенска Гора (Libna-Libenska Gora), Словения; инвентарь захоронения «лучника» (по F. Staré)

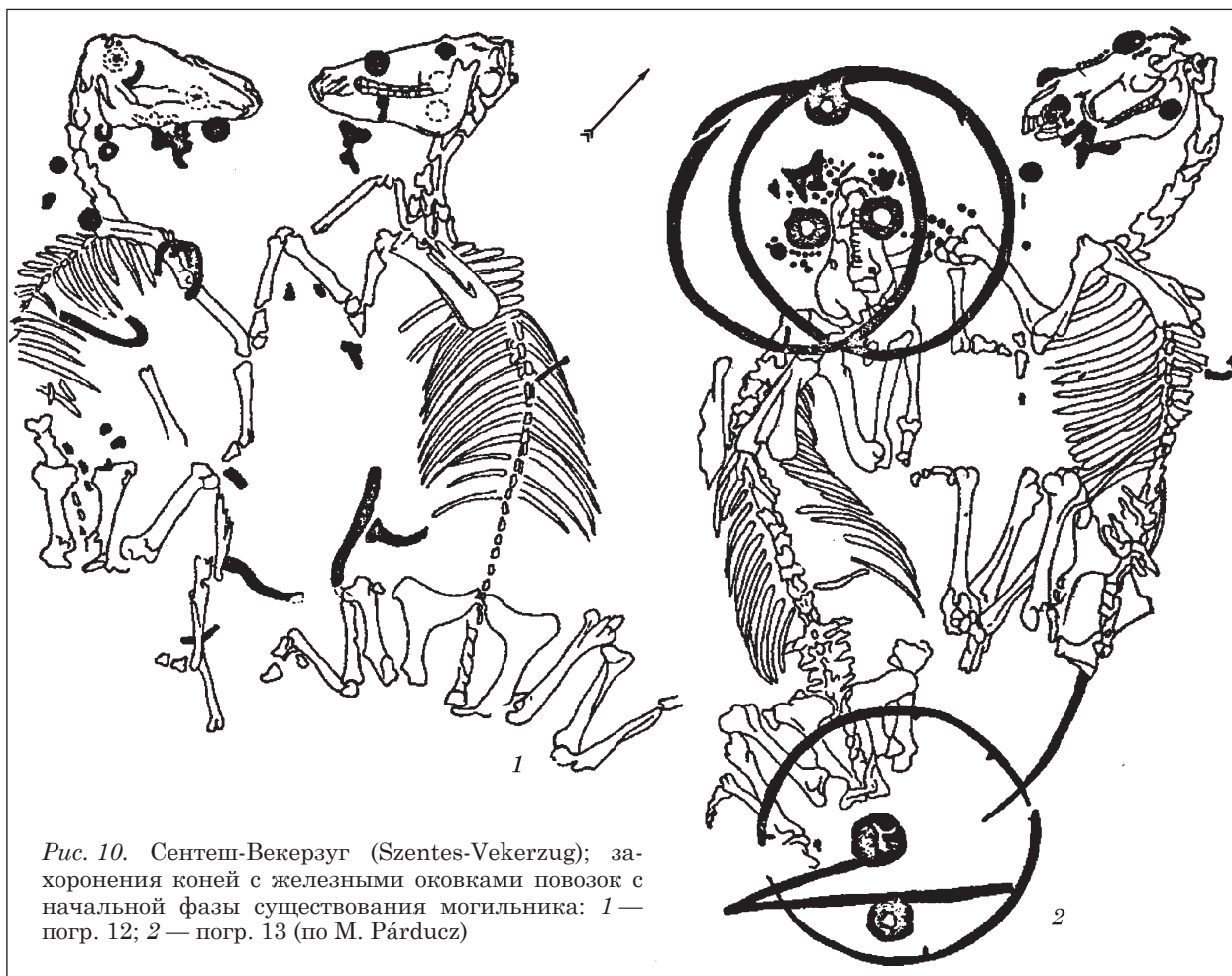

Рис. 10. Сентеш-Векерзуг (Szentés-Vekerzug); захоронения коней с железными оковками повозок с начальной фазы существования могильника: 1 — погр. 12; 2 — погр. 13 (по М. Párducz)

ленными наконечниками стрел в могильных инвентарях.

Повествование Геродота достоверно и в отношении факта использования сигиннами лошадей с чертами, типичными для тарпанов, а также особой роли телег, используемых, по всей видимости, не только для перевозок [Bökönyű, 1954, p. 104—109]. Конские погребения с телегами, известные в этой среде (в том числе из могильника в Сентеш-Векерзуг — рис. 10) [Párducz, 1952, pl. XLII, 1, 2; L, 1, 2], подчеркивают символическое значение этой черты в общественно-ритуальных поведении, возводя ее до роли культурного идентификатора. Не удивляет тогда факт, что лошади из могильника Сентеш-Векерзуг по данным палеозоологии действительно являются представителями породы тарпанов. Отдельные конские погребения в могильниках (Szentés-Vekerzug, Chotín, Tiszavasvári-Csárdapart, Csanytelek-Ujhalastó, Muhi-Kocsmadomb) или же ритуальное возложение в могилу конских черепов (Tápiószéle) [Kmetová, 2014] указывает на то, что лошадь играла существенную роль в символических поведении сигиннов, которые охватывали также погребальные обычаи. Экономическим контекстом данного явления была большая популярность коневодства и очень высокий уровень

разведения пород тарпана на Венгерской низменности в раннем железном веке. Эти факты легли в основу интересной концепции Я. Харматты [Harmatta, 1968, S. 153—157] о роли сигиннов в т. н. венетской торговле беговыми лошадьми, которые при посредничестве венетов попадали в Грецию (в частности в Спарту), где с VII в. до н. э. пользовались репутацией быстрых и победоносных («*Eneidas polos stephanophoros*») рысаков. Иконографические изображения из круга художников «искусства ситул» показывают, что скачки рысаков также были в этой среде существенным элементом общественной жизни, связанным, быть может, с придворным церемониалом. Несложно заметить, что возникшие колесницы (древнегреч. *heniothos*, латын. *auriga*), представленные на ситулах из Болониа-Арноальди и из Куфферн близ Штатцендорф в Нижней Австрии (рис. 8, C, D), отличаются от других персонажей характерным островерхим головным убором, типичным для «мидийской», «скифской» или «персидской» одежды [Chochogowski, 1993, p. 249—250]. Не исключено, что и в этом случае «художник» учел отличительные этнокультурные черты возницы, подразумевая в нем представителя сигиннов. Очень интенсивные связи между сообществами квазискифской культу-

ры, населявшими Венгерскую низменность, с группировками из юго-восточного окружения Альп — главным образом, с гальштатскими группировками, заселявшими нынешнюю Словению [Teržan, 1998, S. 515—536], известную, впрочем, также как и венетские территории, конскими погребениями [Kmetová, 2014, p. 328—343, Tab. 1—4, 33—37] — делают эту концепцию весьма правдоподобной. Не подлежит сомнению, что Венгерская низменность была исходным пунктом селективного разведения быстрых рысаков, культивируемого также Венетами. Эхо этого явления простирается до времен Страбона, который упоминает, что у венетов была [V; I, 4]: «слабость к разведению коней», которые [V; I, 9]: «больше отличаются быстротой, нежели красотой». С этими фактами полностью гармонируют сведения Геродота [V; 9] о границах проживания сикиннов, которые «простираются почти до [области] этетов на Адриатическом море», а также, данные, отражающие роль сикиннов в сверхдальних торговых контактах: «Сикиннами (...) лигии, живущие к северу от Массалии, зовут мелких торговцев».

Сикинны в качестве автохтонов упоминаются также Страбоном [XI; XI, 8], среди «народностей, живущих около Кавказа и остальной горной страны», в частности: дербиков, тапиров и каспийцев. Переданная им краткая характеристика сикиннов по содержанию ссылается на сведения Геродота, однако не является их копией. Стоит привести ее тоже полностью [Strabo, XI; XI, 8]: «Сикинны во всем следуют персидским обычаям, за исключением того, что пользуются маленькими, косматыми лошадами, которые не могут нести всадника, и их запрягают четверкой в повозку; управляют ими женщины, приученные к этому с детства, и самая искусная возница сожительствоует с каким хочет мужчиной». Замечание о «персидских обычаях» сикиннов может подразумевать также использование ими «персидской одежды»; характерно и упоминание о малых косматых лошадках (тарпанах), применяемых в упряжке. Размещение сикиннов по Страбону неясно, хотя, по мнению некоторых исследователей, чаще всего дербиков и тапиров другие древние авторы размещали в разных районах юго-западного и южного побережья Каспийско-

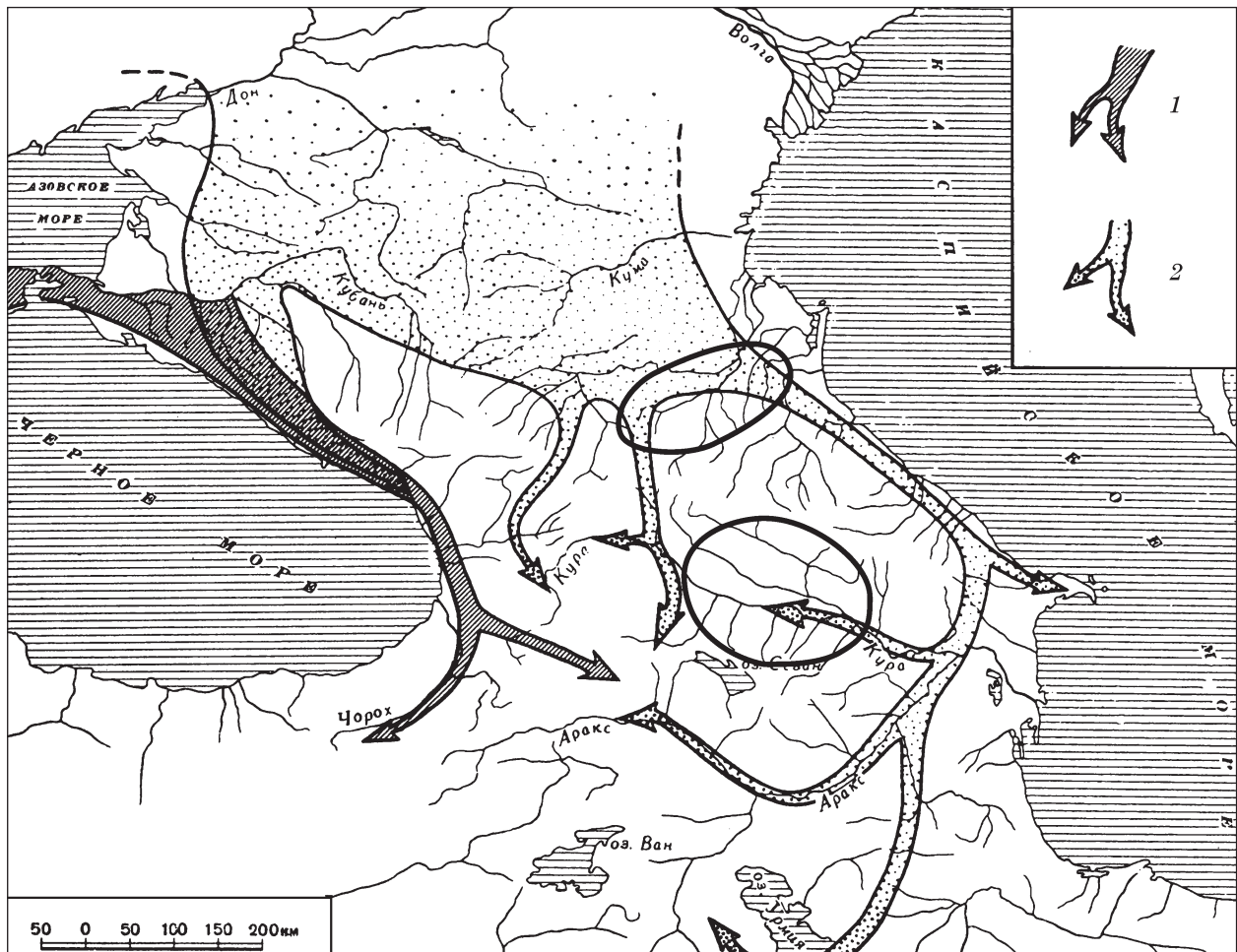

Рис. 11. Пути киммерийских и скифских походов через Кавказ (по Е.И. Крупнову) и главные территории распространения здесь глиняных пинтадеров

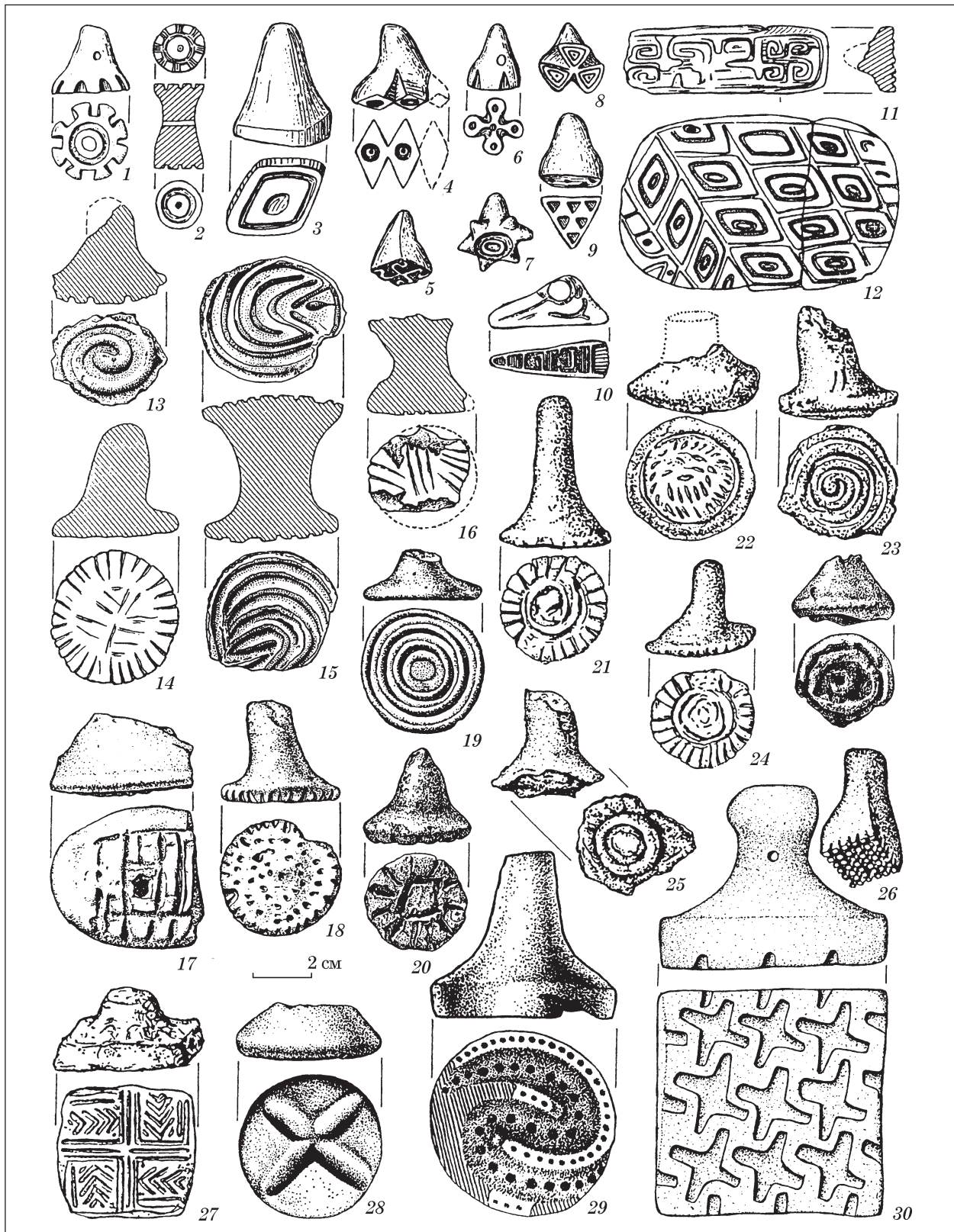

Рис. 12. Глиняные пентадеры: 1—12 — Венгерская низменность, по J. Chochorowski; 13—29 — территория Кавказа, по Е.И. Крупнову; 30 — Причерноморье, по И.В. Бруяко

го моря, в том числе по соседству с каспийцами, обитавшими на пограничье Мидии. Столь же интересное замечание о сигиннах содержит один из фрагментов, сохранившихся среди т. н. *Орфических текстов*, орфической версии поэ-

мы *Аргонавтика* (IV или V в. н. э.). В описании дороги Аргонавтов в Колхиду (759), а точнее этапа между греческими колониями Синоп в Пафлагонии и Фасис в Колхиде, то есть где-то в зоне черноморского побережья Каппадокии,

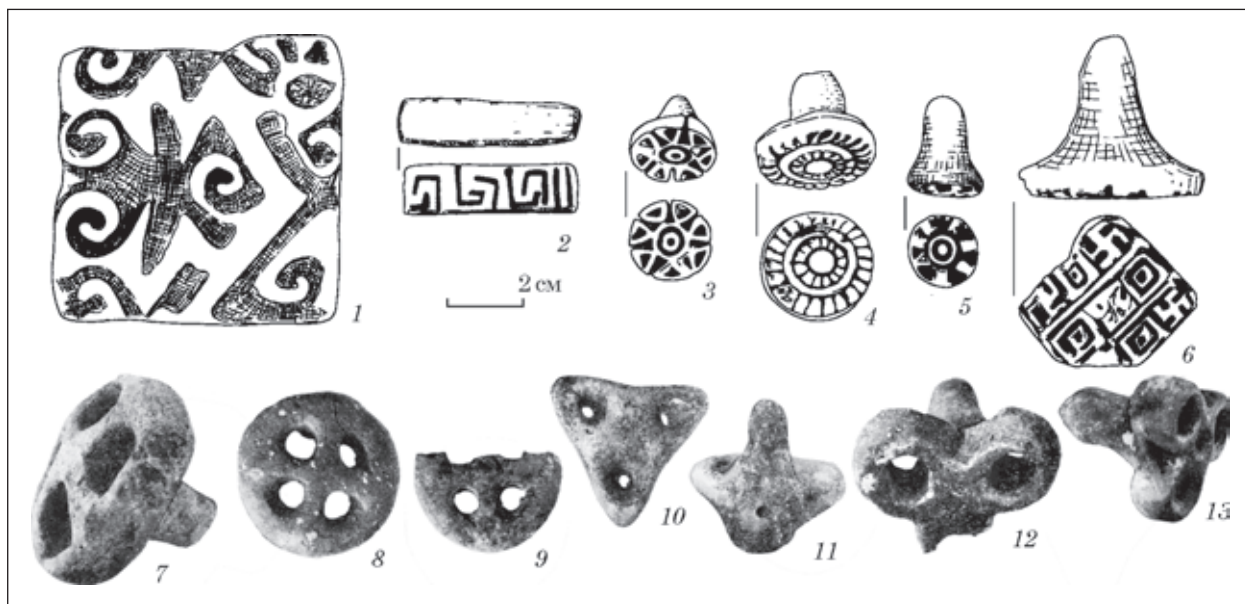

Рис. 13. Глиняные пинтадеры из зоны влияния векерзугской культуры в Средней Европе: 1—6 — Велем-Сентвидхедь (Velem-Szentvidhegy), Западная Венгрия (по J. Chochorowski); 7—13 — Гжыбяны (Grzybiany), Юго-Западная Польша (по Z. Bukowski)

упоминается «негостеприимное племя сигиннов» (*aksena phyla Sigynon*). Неясным представляется вопрос о сигиннах в произведении *Этника* Стефана Византийского (VI в. до н. э.). Содержит оно ряд выписок из *Персидской истории* Ктезия, автора конца V и начала IV в. до н. э., в том числе (565; 3—4), упоминание о «городе *Sigynnos*» (*Sigynnos polis*) и «жителях города *Sigynnos*» (*politoi Sigynnoi*). В свое время Й. Маркварт [Markwart, 1932, S. 14—16], опираясь на анализ литературных источников, пришел к выводу, что племя «*Sigynnon*» (в *Аргонавтике*) и город «*Sigynnos*» (у Ктезия) следует размещать в районе нижнего течения реки Чорох (Çoruh).

Анализ письменных источников дает очень нечеткую картину размещения сигиннов в зоне Кавказа. Речь идет либо о территории вблизи юго-западного побережья Каспийского моря, по соседству с Мидией, либо вблизи побережья Черного моря, по соседству с Урарту. Кроме того, замечание Аполлона Родосского в *Аргонавтике* о синдах в качестве соседей сигиннов, обитающих на «Равнине Лаурион», предполагает существование какой-то связи между этими народами; но эта связь могла установиться только в зоне Северо-Западного Предкавказья. Картина становится чуть более понятной, если учесть динамику и направление начального этапа переселения народов, вызванного экспансией кочевников, которое в античной традиции (в результате сужения хронологической перспективы) определялось как «скифо-киммерийский конфликт». Изображает это в какой-то степени сопоставление предполагаемого размещения сигиннов, в широко понимаемой кавказской зоне, с классической схемой «ким-

мерийских» и «скифских» передвижений по Кавказу, разработанной еще Е.И. Крупновым (рис. 11) [Крупнов, 1957, рис. 31]. В связи с этим можно предположить, что античные письменные источники упоминают уже вторичное место обитания этого народа, а, скорее, различных его разветвлений. Первичное же место обитания сигиннов находилось, по-видимому, в трудноопределимом районе, где-то с северной стороны Кавказа. Не исключено, что в результате «скифской» экспансивности часть сигиннов включилась в переселения киммерийцев и вместе с ними оказалась в Закавказье по соседству с Урарту и юго-западным побережьем Черного моря, где впрочем, размещалась также страна «*Гамирк*» [Крупнов, 1960, с. 63], маркирующая присутствие здесь киммерийцев (*Gimirrai*). Значительная динамика этих процессов, изобилующих, несомненно, событиями военного характера, могла также благоприятствовать включению других групп этого народа в волну скифских переселений по направлению, идущему, обобщенно говоря, вдоль побережья Каспийского моря, в сторону Мидии и района озера Урмия. Подобным образом, наверное, можно разъяснить передвижение какой-то части сигиннов в Карпатский бассейн, после включения их в волну переселений вдоль степной зоны и занятия благоприятной для пастушеского хозяйства экологической ниши (т. н. пусты) на Венгерской низменности. Политический контекст этих процессов, имеющих в значительной мере характер «цепной реакции» и изобилующих эпизодами военных угроз и давления, мог в этом случае способствовать сохранению этнической принадлежности, а также основных черт культурной традиции, хотя,

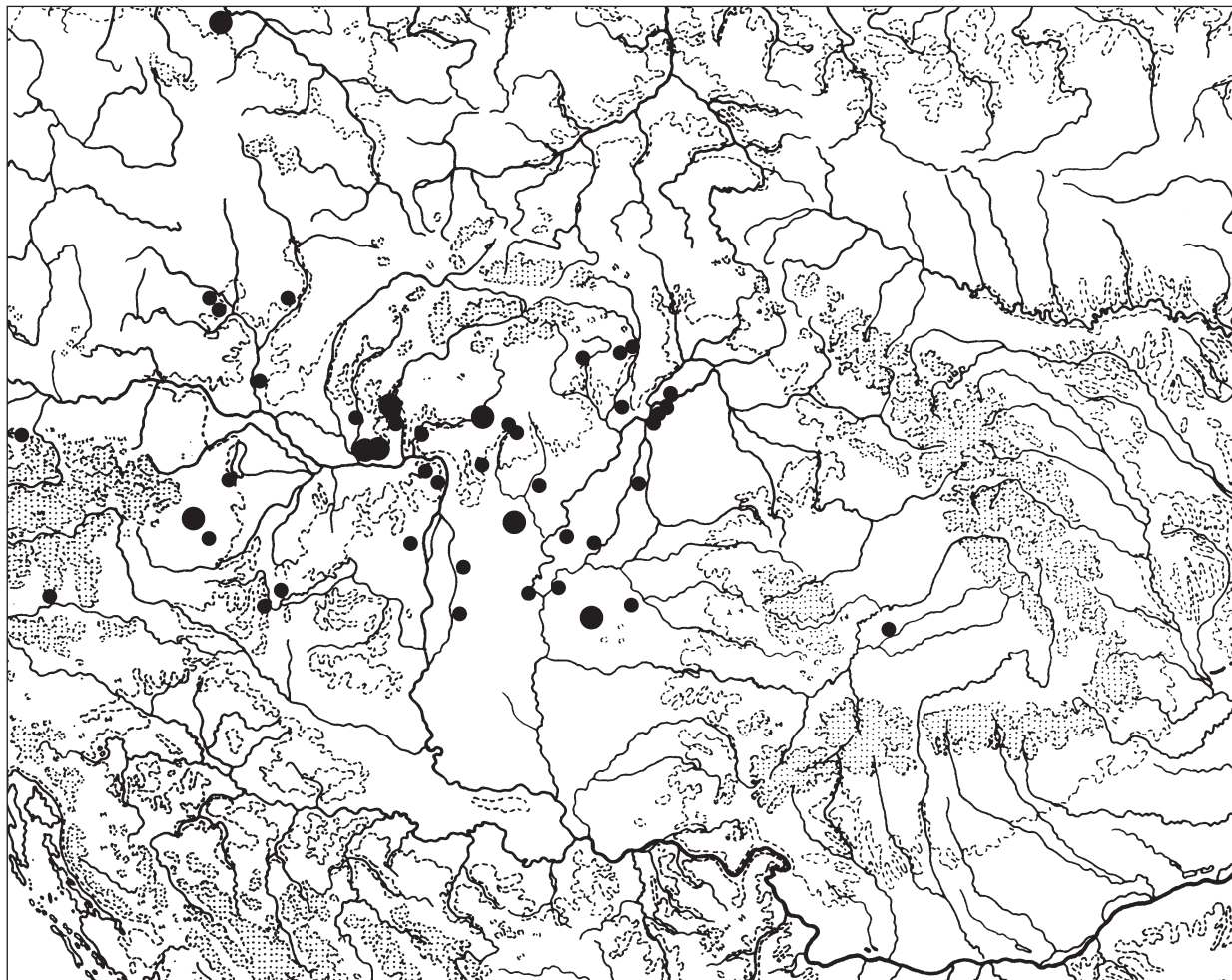

Рис. 14. Карта распространения глиняных пинтадеров в Средней Европе (по J. Chochorowski)

вместе с тем, мог и значительно влиять (попутно) на изменение совокупного «вещевого комплекса», определяющего модель материальной культуры.

Одним из наиболее интригующих моментов в контексте обсуждаемого вопроса является факт наличия в комплексах квази-скифских группировок, заселяющих Венгерскую низменность (то есть в культуре Векерзуг), глиняных печатей — пинтадеров [Chochorowski, 1985, Abb. 23; Kisfaludi, 1997, S. 75—107]. Не имея местных корней и находясь кроме территории культуры Векерзуг (рис. 12, 1—12) исключительно в зоне ее воздействия (рис. 13) [Chochorowski, 1985a, Abb. 5, 1, 6; 6, 7, 9—13; 7, 25; Bukowski, 1988, p. 53—64, Рис. 1—7; Бруяко, 2014, с. 39—49], пинтадеры на территории Средней Европы являются экзотическим феноменом (рис. 14).

Функция пинтадеров не совсем ясна, хотя, судя по контексту находок (они чаще всего являлись снаряжением женских захоронений вместе с каменными плитками и кусочками охры), применялись они для окрашивания тканей либо украшения тела («тагуирования»). Не подлежит сомнению, однако, что пинтадеры — характерный элемент символического (вместе со стилистикой узоров) поведения в этой среде,

имманентно вписанный в картину культурной идентичности. Но наиболее увлекательным является факт, что единственные и ближайшие аналогии этого рода артефактов находятся именно в зоне Центрального Кавказа, как в Предкавказье (рис. 12, 13—29), преимущественно в восточных группировках кобанской культуры, в среднем бассейне реки Терек, так и в Закавказье, в том числе на территории Азербайджана [Krupnov, 1962, S. 197—205, Abb. 1—2; Крупнов, 1965, с. 192—195, рис. 1; 1969, с. 105—110, рис. 1; 2]. Среди материалов этой зоны, датируемых первыми столетиями I тыс. до н. э. (главным образом, IX—VIII вв. до н. э.), встречаются пинтадеры, как две капли воды, совпадающие со среднеевропейскими находками [Chochorowski, 1998, S. 484—486, Abb. 5]. Хотя их нельзя отнести к «этническому» идентификатору, не подлежит сомнению, что перемещение такой своеобразной категории культурного габитуса выходит за рамки действия механизмов обычного культурного трансфера и требует другого истолкования. В какой-то степени, глиняные пинтадеры можно считать тогда маркером культурной тождественности переселявшего этноса, как и крайних, территориальных точек его «исхода».

- Брюляк И.В. Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом // *Stratum plus*. — 2014. — № 3. — С. 39—49.
- Геродот. История в девяти томах / пер. и прим. Г.А. Стратановского. — М., 1999. — 740 с.
- Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н. э.). — Армавир, 1999. — 401 с.
- Козенкова В.И. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром (некоторые археологические параллели) // *Скифский мир*. — К., 1975. — С. 52—73.
- Козенкова В.И., Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). — М., 1996. — 162 с.
- Козенкова В.И., Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций, Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке // Сборник памяти М.П.Абрамовой. — М., 2007. — С. 258—294.
- Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. — М., 1957. — 176 с.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960. — 520 с.
- Крупнов Е.И. Новые «пинтадеры» из сел. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия) // Новое в советской археологии. — М., 1965. — С. 192—195.
- Крупнов Е.И. Новые пинтадеры из Чечено-Ингушети // Древности Восточной Европы (к 70-летию А.П. Смирнова). — МИА. — 1969. — № 169. — С. 105—110.
- Махортых С.В. Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху. — К., 2003. — 140 с.
- Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса — К., 1990. — 88 с.
- Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. — М., 1964. — 940 с.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. — К., 1976. — 224 с.
- Шелов Д.Б. Синды Прикубанья и греческая колонизация // *Thracia Pontica*. — 1982. — I. — С. 31—39.
- Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. — МИАР. — 1997. — № 1. — С. 19—34.
- Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. — М., 2007. — 432 с.
- Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-западном Кавказе (к постановке проблемы). Часть I // РА. — 2002. — № 3. — С. 26—38.
- Apollonios Rhodios. Die Argonauten, Verdeutsch von Thassilo von Scheffer. — Leipzig, 1940. — 237 S.
- Bouzek J. Caucasus and Europe and the Cimmerian Problem // *Sborník Národního Muzea v Praze*. — 1983. — T. XXXVII. — P. 177—240.
- Bouzek J. Central Europe and Caucasus in the early iron age // *Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae*. — Kraków, 2012. — P. 537—547.
- Bökönyi S. Les chevaux scythiques de Szentés-Vekerzug II (Étude sur le matériel osseux des fouilles de 1952—1953) // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1954. — T. IV. — P. 93—114.
- Bukowski Z. Elementy wschodnie w kulturze lużyckiej u schyłku epoki brązu. — Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. — 183 p.
- Bukowski Z. Pintaдеры глиняные з осady otwartej kultury lużyckiej w Grzybianach, woj. Legnickie // *Studia nad etnogenezą Słowian*. — Wrocław, 1988. — T. 1. — P. 53—64.
- Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. — Warszawa; Kraków, 1985. — 163 S.
- Chochorowski J. Die Rolle der Vekerzug-Kultur (VK) im Rahmen der skythischen Einflüsse in Mitteleuropa // *Præhistorische Zeitschrift*. — 1985a. — T. 60, 2. — S. 204—271.
- Chochorowski J. Rola Sigynnów Herodota w środowisku kulturowym wczesnej epoki żelaza na Nizinie Węgierskiej // *Przegląd Archeologiczny*. — 1987. — T. 34. — P. 161—218.
- Chochorowski J. Ekspansja kimmerska na tereny Europy Środkowej. — Kraków, 1993. — 327 p.
- Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur und ihre östlichen Beziehungen // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. — München; Rahden, 1998. — S. 473—491.
- Chochorowski J. Kimmerowie i Scytowie — koczownicy Wielkiego Stepu na progu historii // *Wędrowniacy i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu*. — Kraków, 2004. — P. 91—102.
- Chochorowski J. Scytowie a Europa Środkowa — historyczna interpretacja archeologicznej rzeczywistości // *MiSROA*. — 2014. — T. XXXV. — P. 9—58.
- Ciugudean H. The chronology of the Gáva culture in Transylvania // *Peregrinationes Archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae*. — Kraków, 2012. — P. 229—243.
- Gazdapusztai Gy. Beziehungen zwischen den prähistorischen Kulturen des Karpatenbeckens und des Nordkavkasus (Beiträge zum sogenannten Kimmerierproblem) // *Acta antiqua et archaeologica*. — 1963. — T. V. — S. 5—40.
- Gazdapusztai G. Caucasian relations of the Danubian basin in the early iron age // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1967. — T. 19. — P. 307—333.
- Hančar F. Hallstatt — Kaukasus. Ein Beitrag zur Klärung des Kimmerierproblems // *Mitteilungen der österreichischen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Prähistorie*. — 1947. — T. LXXXIII—LXXXVII. — S. 152—167.
- Hančar F. Die bronzenen «Pferdekopfszepter» der Hallstattzeit in archäologischer Ostperspektive // *Archaeologia Austriaca*. — 1967. — T. XL. — S. 113—134.
- Harmatta J. Le probleme cimmérien // *Archaeologiai Értésítő*. — 1948. — T. VII—IX. — P. 79—132, tab. XVI—XX.
- Harmatta J. Kimmerek és szkíták // *Antik Tanulmányok*. — 1966. — T. 13. — P. 107—116.
- Harmatta J. Früheisenzeitliche Beziehungen zwischen dem Karpatenbecken, Oberitalien und Griechenland // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1968. — T. XX. — S. 153—157.
- Herodot. Dzieje, Przełożył z języka greckiego i opracował Seweryn Hammer. — Warszawa, 1954. — 764 p.
- Horváth T. L'expansion de la culture préscythique // Gallus S., Horváth T., Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. — Budapest, 1939. — P. 57—82.
- Jerem E. The late iron age cemetery of Szentlőrinc // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1968. — T. XX. — P. 159—208.
- Kemenczei T. Ostungarn in der Zeit der Frühhallstattkultur // *Die Hallstatt-kultur. Bericht über das Symposium in Steyr 1980 aus Anlaß der International Ausstellung des Landes Oberösterreich*. — Linz, 1981. — S. 79—92.
- Kemenczei T. Hungarian Early Iron Age Metal Finds and their Relation to the Steppes // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies: Papers from the International Symposium held (Naples 9—12 November 1992)*. — Napoli, 1994. — P. 591—618.
- Kemenczei T. Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken. — Stuttgart, 2005. — 86 S. + 64 Taf.
- Kemenczei T. Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe. — Budapest, 2009. — 410 S.
- Kmetová P. Deponovanie koní na pohrebiskách z doby halštatskej v priestore Panónskej panvy. — Bratislava, 2014. — 394 p.
- Krupnov J.I. Kaukasische «Pintaderas» // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. — 1962. — T. XCII. — S. 197—205.

Kisfaludi J. Tonstempel und Knochenzylinder aus der mittleren Eisenzeit im Karpatenbecken // *Communications Archaeologicae Hungariae*. — 1997. — S. 75—107.

Markwart J. Die Sigynnen // *Caucasica*. — 1932. — T. X. — S. 1—42.

Metzner-Nebelsick C. Die früheisenzeitliche Trennentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // *Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Jenisei*. — Regensburg, 1994. — S. 383—447.

Metzner-Nebelsick C. Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. — Rahden, 2002. T. 1: Text. — 542 S.

Metzner-Nebelsick C. Ein Urnenfelderzeitliches Keulenkopfepter aus Apetlon im Burgenland, Österreich // *Analele Banatului, Arheologie*. — 2009. — T. XVII. — S. 200—218.

Párducz M. Le cimetièr hallstattien de Szentés-Vekerzug // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1952. — T. II. — P. 143—172, tab. XLII—LXVIII.

Párducz M. Le cimetièr hallstattien de Szentés-Vekerzug II (les fouilles de 1852 et 1953) // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1954. — T. IV. — P. 25—91, tab. I—XXX.

Párducz M. Le cimetièr hallstattien de Szentés-Vekerzug III // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1955. — T. VI. — P. 1—22, tab. I—XIV.

Pare Ch.F.E. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa // *Jahrbuch des RGZM*. — 1998. — 43/1996. — S. 293—433, Taf. I—V.

Patek E. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn // *Symposium zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa*. — Bratislava, 1974. — S. 337—362.

Patek E. Westungarn in der Hallstattzeit. — Weiheim, 1993. — 177 S.

Podborský V. Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. — Brno, 1970. — 239 S. + 90 Taf.

Romsauer P. Zur Frage der Westgrenze der Mezőcsát-Gruppe // *Archaeology of the bronze and iron age: Proceedings of the International Archaeological Conference Százhalombatta (3—7 October 1996)*. — Budapest, 1999. — P. 167—176.

Staré F. Kipec ilirskega bojovnika z Vač // *Arheološki Vesnik*. — 1962—1963. — T. 13—14. — P. 383—420.

Sulimirski T. Die Skythen in Mittel- und Westeuropa // *Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte (Hamburg vom 24. bis 30. August 1958)*. — Berlin, 1961. — S. 793—799.

Teržan B. Auswirkungen des skythisch geprägten Kulturkreises auf die hallstattzeitlichen Kulturgruppen Pannoniens und des Ostalpenraumes // *Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe*. — München; Rahden, 1998. — S. 511—560.

Trachsel M. Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit. — Bonn, 2004. — 340 S. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. — T. 104).

Vasiliev V. Scitii agatirși pe teritoriul României. — Cluj-Napoca, 1980. — 186 p. + 26 pl.

J. Chochorowski

KAUKAZ I KOTLINA KARPACKA WE WCZESNEJ EPOCE ŻELAZA (problem pochodzenia Sigynnów)

Przełom epoki brązu i epoki żelaza w Kotlinie Karpackiej charakteryzuje się głębokim kryzysem struktur osadniczych i kulturowych. Głównym czynnikiem sprawczym tych procesów był agresywny charakter oddziaływań koczowniców Wielkiego Stepu. Jednym z efektów presji, głównie wschodnioeuropejskich nomadów, może być przesunięcie się na tere-

ny Niziny Węgierskiej grup ludności wywodzącej się ze strefy kaukasko-pontyjskiej, które w nowym środowisku zachowały poczucie tożsamości kulturowej i etnicznej. W grę wchodzi tu zwłaszcza osiedlenie się jakiegoś odłamu ludności pochodzenia kaukaskiego, wzmiankowanego w źródłach pod nazwą Sigynnów. Według charakterystyki etnograficznej przytoczonej przez Herodota (V; 9), mieli oni nosić «strój medyjski» i używać wozów zaprzężonych w szybkie klusaki (tarpany). Informacje Herodota i Apolloniosa Rodyjskiego, pozwalają ich lokalizować na terenie Alföldu («równina Laurion» Apolloniosa) i identyfikować z częścią quasi scytyjskich ugrupowań z Wielkiej Niziny Węgierskiej z VII—V w. p. n. e. (zespoły typu Szentés-Vekerzug). Ich pierwotne siedziby znajdowały się zapewne gdzieś w strefie kaukasko-kaspijskiej, m.in. w pobliżu ludu Kaspijów (Strabon), gdzieś w sąsiedztwie Medii. Archeologicznym identyfikatorem specyficznych zachowań kulturowych napływowego elementu etnicznego na terenie Niziny Węgierskiej, są m.in. gliniane pieczęcie — pintadery, używane zapewne do tatuowania lub barwienia tkanin. W środowisku środkowoeuropejskim są one elementem całkowicie obcym, tak z punktu widzenia funkcji użytkowej jak i symbolicznej. Stanowiły natomiast charakterystyczny atrybut zachowań kulturowych społeczności zamieszkujących na terenach położonych tak po północnej jak i południowej stronie centralnego Kaukazu, co najmniej od pierwszych stuleci I tysiąclecia p. n. e.

Słowa kluczowe: Kaukaz, Kotlina Karpacka, wczesna epoka żelaza, migracja, Sigynnów

J. Chochorowski

THE CAUCASUS AND THE CARPATHIAN BASIN IN THE EARLY IRON AGE (on the Genesis of the Siginnae)

The Bronze / Iron Age transition saw a severe crisis in the settlement and cultural patterns in the Carpathian Basin, and the main factor behind these processes was the aggressive influence of nomadic peoples from the Great Steppe. One possible result of the pressure exerted by East European nomads was the migration to the Great Hungarian Plain of groups of the Caucasian-Pontic population, who maintained the sense of their cultural and ethnic identity in the new environment. The best example is a group of people of Caucasian origin who came to be known in ancient sources as the Siginni. According to their ethnographic description by Herodotus (V: 9) they allegedly wore a «Median costume» and used carts driven by fast trotting horses (tarpans). The information provided by Herodotus and Apollonius of Rhodes allow the Siginni to be placed in the Great Hungarian Plain («the Plain of Laurion» in Apollonius) and archaeologically identified with some of the quasi-Scythian groups known from that territory in the 7th—5th century BC (materials of the Szentes-Vekerzug type). Their original homeland was probably somewhere in the Caucasian-Caspian zone, close to the Caspi tribe (acc. to Strabo), somewhere not far from Media. The ethnically foreign people migrating to the Great Hungarian Plain left their distinct marks in archaeological record, among others in the form of clay stamps — pintaderas which were probably used for tattooing or cloth decoration. In Central Europe such stamps are a completely foreign element, both in the utilitarian and symbolic aspects, but they were characteristic attributes of people inhabiting the areas to the north and south of the Central Caucasus, at least from the first centuries of the 1st millennium BC.

Keywords: Caucasus, Carpathian Basin, Early Iron Age, migration, Siginnae.

Одержано 28.03.2017